

Гао Юйшэн ничего не ответил. Потупив взор, он направился к выходу, не желая разговаривать с ним. Все, что можно и нельзя было сказать, он уже высказал в эфире шоу, но этот человек по-прежнему оставался равнодушен. Неужели он действительно просто тешил себя иллюзиями? Выходит, все эти пятнадцать лет только он один помнил о брате.

Видя его удрученный вид, Чжай Чэнь немного удивился и не удержался от вопроса:

— Ты ведь уже совсем взрослый, зачем ты его до сих пор ищешь?

Гао Юйшэн остановился и медленно перевел дыхание:

— Считаю, что мне просто не хватает любви. Прости, если это выглядит глупо.

Чжай Чэнь на мгновение замер, а затем протянул руку и схватил собиравшегося уйти парня:

— Тяньцы.

Гао Юйшэн обернулся и молча посмотрел на Чжай Чэня. В его тускло мерцающих глазах на мгновение словно блеснули слезы, но если присмотреться, там ничего не было. Должно быть, накопившаяся за долгие годы обида переполнила душу, создав мимолетный мираж.

Вид этого несчастного лица ранил Чжай Чэня в самое сердце. Еще в детстве он не выносил слез Тяньцы.

— Наконец-то ты признался, — Гао Юйшэн опустил глаза, его голос слегка охрип.

— Я думал, ты уже вырос и я тебе больше не нужен, — вздохнул Чжай Чэнь, жалея о своей прежней самонадеянности. Вообще-то он и сам планировал сегодня все ему рассказать, но сейчас это выглядело бы как нелепая попытка оправдаться, и слова застревали в горле.

Гао Юйшэн молча смотрел на него.

— Это я виноват, не злись больше, ладно? — Чжай Чэнь взял его за руку и легонько покачал, заговорив тихим, ласковым тоном, каким обычно успокаивают детей. Он специально наклонился ближе, почти касаясь его лица: — Ну же, мир?

Сопровождавший их секретарь Чжэн, который ходил улаживать мелкие формальности, подбежал с вещами, полученными от съемочной группы. Обращение «Генеральный директор Гао» застряло у него в горле, и он чуть не растянулся на ровном месте. Чжэн Цзин в панике попятился назад за угол, прижимая ладонь к бешено колотящемуся сердцу. Как личный секретарь, он наконец-то увидел то, чего видеть никак не следовало.

Гао Юйшэн отвернулся, кончики его ушей слегка покраснели:

— Тогда что значили твои вчерашние слова о том, что ты «обязательно придешь завтра»?

— А? — Чжай Чэнь припомнил вчерашний вечер и не знал, смеяться ему или плакать. — Я обещал директору детского сада, что обязательно приду помочь с набором детей. Ты подумал, что я собираюсь на шоу?

Вспомнив про детский сад, Чжай Чэнь перехватил запястье Гао Юйшэна и взглянул на часы — время поджимало, нужно было спешить. С улыбкой подталкивая обиженного парня в спину, он повел его вперед:

— Чжай Цзяньго изменил данные в моей регистрации, так что никто ничего не раскопает.

В те годы их побег из горной деревни выглядел слишком невероятным и не выдержал бы детальной проверки. Чтобы защитить его, Чжай Цзяньго единственный раз в жизни пошел на превышение полномочий и изменил данные в государственном реестре. Даже внутри полицейской базы ничего невозможно было найти.

Об этом нельзя было рассказывать никому, но с Тяньцы можно было не таиться. Они стали друг для друга началом новой жизни, знали обо всем и не нуждались в секретах. Это принесло Чжай Чэню небывалое облегчение.

Гао Юйшэн, разумеется, все понимал. Уловив в словах Чжай Чэня неподдельную нежность, он постепенно оттаял, а уголки его губ медленно поползли вверх.

Чжай Чэнь довел его до парковки:

— Я обещал директору помочь. Давай я сначала отвезу тебя в офис, а после работы заеду за тобой, идет?

Он привычным жестом вытащил ключи от машины из кармана Гао Юйшэна и уже собрался открыть дверцу, как вдруг тот глухо пробормотал:

— Я сегодня не поеду в офис.

«Надо же, раскапризничался», — Чжай Чэнь невольно рассмеялся:

— Тебе что, три года? Не хочешь идти в садик?

— Я пойду в детский сад, — серьезно ответил Гао Юйшэн.

— ...

В итоге сегодня на работе у учителя Чжая появился еще один великовозрастный «хвостик». Поставив у стены маленький детский стульчик в виде грибка, Чжай Чэнь усадил туда Гао Юйшэна. Генеральный директор Гао ничуть не смутился тем, что его длинным ногам там было тесно, и послушно устроился на табурете, ведя себя тихо и мирно. Ему лишь казалось, что он о чем-то забыл.

Телефон тихонько звякнул.

«Секретарь Чжэн: Генеральный директор Гао, вы все еще на телеканале?»

Точно, он забыл про секретаря Чжэна.

— Мэнмэн, а что это за дядя пришел с тобой? — шепотом спросила девочка в розовом платье у сидевшей на качелях Мэнмэн.

— Мой дядя, — Мэнмэн болтала ногами, намеренно увиливая от прямого ответа.

— Да нет же, я про того, который сидит там! — Девочка нетерпеливо топнула ножкой и указала на Гао Юйшэна, примостившегося на стульчике-грибке.

Мужчина, снявший пиджак и оставшийся в одной темно-синей рубашке, походил на прекрасного принца из сказочного замка, из-за чего воспитательницы то и дело бросали на

него украдкой взгляды.

— А я знаю! — Сяопан подбежал и втиснулся между качелями и девочкой. — Яояо, спроси меня!

— Откуда тебе знать? Он ведь пришел с Мэнмэн, — Яояо не пожелала слушать Сяопана и оттолкнула его, пытаясь продолжить разговор с подругой.

Сяопан надулся и упрямо не желал уступать дорогу:

— А вот и знаю! Он президент «Точки-карты», моя тетя постоянно смотрит видео с ним!

— Не «Точки», а «Пунктир», — с невозмутимым видом поправила Чжай Мэнмэн.

По сравнению с егозящим Сяопаном, Яояо явно больше доверяла своей подруге. Ухватившись за веревку качелей, она спросила:

— А он и учитель Чжай — хорошие друзья? Я видела, как они шли сюда, держась за руки.

— Да «Точки» же! — обиделся Сяопан из-за того, что его проигнорировали, и вплотную подошел к Чжай Мэнмэн, начиная спорить. — Моя тетя каждый день о них говорит, она точно не могла ошибиться!

— «Пунктир».

— «Точки»!

В это время Чжай Чэнь стоял у входа в детский сад. На площадке заранее развесили воздушные шары и расставили рекламные стенды. Накинув розово-голубой фартук, учитель Чжай держал в руках брошюры и терпеливо давал пояснения подходившим родителям. Стоило ему на минуту отвлечься, как двое детей на игровой площадке сцепились друг с другом.

Из-за слабого здоровья Чжай Мэнмэн обычно вела себя в садике тише воды, ниже травы, но сегодня словно вожжа под хвост попала — она упрямо спорила с Сяопаном. Разозлившись, тот со всей силы толкнул ее своими пухлыми ручонками, сбросив с качелей.

— Ой! — взвизгнула Яояо.

Когда взрослые обернулись на крик, Гао Юйшэн уже успел подхватить Чжай Мэнмэн на руки.

— Прошу прощения, — Чжай Чэнь сунул листовки в руки родителю, который не успел дослушать объяснения, и, перемахнув через ограждение игровой зоны, бросился к ним. Заметив, что губы Чжай Мэнмэн посинели, он тут же выхватил из рюкзака портативный кислородный баллон и прижал маску к ее лицу.

За долгие годы заботы о ребенке с пороком сердца Чжай Чэнь до автоматизма отточил навыки первой помощи. Ничего серьезного не произошло, нужно было лишь немного подождать, пока дыхание придет в норму. Жестом попросив Гао Юйшэна помочь девочке принять более удобную позу, он спокойно удерживал клапан баллона.

Поняв, что натворил дел, Сяопан поспешил скрыться за горкой. Рядом вовсю плакала испуганная Яояо:

— Учитель, она не умрет?

— Все хорошо, сейчас ей станет легче, — успокоил девочку Чжай Чэнь. Посмотрев на лицо Чжай Мэнмэн, он медленно убрал маску. — Ну как ты?

— Я еще не завершила свое великое дело, мне нельзя умирать, — Мэнмэн протянула руку вперед, подражая грозным правителям.

Чжай Чэнь согнул палец и легонько щелкнул ее по лбу:

— В таком случае берегите свое драгоценное здоровье, Ваше Величество. Если что понадобится, только позовите своего верного слугу.

Сегодня шел набор, поэтому сотрудников не хватало. Занятий у детей не было, их всех собрали в игровой зоне под присмотром одной воспитательницы, которая едва со всем справлялась. Подбежав, она принялась без конца благодарить Гао Юйшэна.

У Гао Юйшэна не было ни малейшего желания беседовать с воспитательницей. Передав ей девочку, он снова опустился на стульчик-грибок. Только что пережившая «покушение коварных изменников» Чжай Мэнмэн больше не решалась подходить к качелям. Притащив свой стульчик, она устроилась рядом с Гао Юйшэном.

— А ну иди и извинись перед Чжай Мэнмэн! — Яояо потянула за руку Сяопана, который прятался в углу.

— Не пойду! — Сяопан вырвал руку и, оседлав деревянную лошадку, укатился подальше.

Расстроенная Яояо заплакала и, вытирая кулачками глаза, подошла к Чжай Мэнмэн:

— Он не хочет извиняться.

— И не надо, это борьба между мужчинами, — Мэнмэн потеснилась, освобождая половину своего стульчика, чтобы Яояо могла присесть рядом. — Не веришь — спроси у дяди Гао.

Гао Юйшэн, который как раз отвечал на сообщение секретаря, оторвался от телефона и посмотрел на детей.

— Дядя, а вы, когда ходили в детский сад, тоже дрались с другими ребятами? — спросила присевшая рядом Яояо, украдкой разглядывая его.

— Я не ходил в детский сад, — убирая телефон, серьезно ответил Гао Юйшэн. В том возрасте, когда дети ходят в садик, его похитили и продали торговцы людьми, так что он понятия не имел, каково там. Зато в деревне он частенько дрался с местной детворой — за право обладать пойманным сверчком или ржавым железным обручем.

Дети слушали его, раскрыв рты от изумления. Для них, выросших в городе, подобная жизнь казалась чем-то немыслимым.

— А что значит «похитили и продали»?